

Максим Цветков

**Дорога
домой
(повесть)**

Максим Цветков

Дорога домой (повесть)

<https://litres.ru/73090258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Небольшая повесть о том, как может измениться жизнь именно в тот момент, когда ты окончательно перестал верить в чудеса, отрастил пузцо и научился заваривать чай по всем правилам.

Феи, некроманты, мультивселенная - все это лишь часть сюрпризов, ожидающих сорокалетнего холостяка сразу за углом, нужно лишь открыть дверь. Хотя... достаточно будет и форточки.

Тук-тук-тук...

Содержание

Я В ТЕБЯ НЕ ВЕРЮ!	4
КАРТА ИЗ ИНЕЯ	9
ТИХИЙ ШЁПОТ СТАРОГО ДОМА	15
ОТКУДА РУКИ РАСТУТ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Максим Цветков

Дорога домой (повесть)

Я В ТЕБЯ НЕ ВЕРЮ!

Никогда еще предновогодняя суета не была такой.... Ээээ.... Размеренной? Несуетливой? Тягучей? Да уж нет! Скучной! И пора признаться хотя бы самому себе, что позади осталась та незримая черта, до которой ещё огоньки и разноцветные обёртки, конфеты и мандарины, ёлки и пузатый бородач в красном кафтане имели тонкий едва различимый, но оттого ещё более притягательный запах волшебства. А теперь всё! Финита!

«Всё, братец! Ты стар и зануден» – завариваю я по всем ста тридцати четырем правилам любовно и пристально выбранный, оцененный и переоцененный, возведенный в ранг «правильного», а затем и «истинного» дешёвый до безобразия (но это тайна) пуэр. «Стар и зануден! И, хотя до полтинника ещё дожить бы твоими темпами, а ты уже не веришь ни во что, даже в мандарины!» – уговариваю я себя не пытаться хотя бы удивиться первому снегу или какой иной диковинке для простачков. «Это хорошая квартира в отличном районе! Она достаточно однокомнатная для того, чтоб в ней случайно не завелась жена или какой, не приведи господь, кошка!

А то и оба несчастья разом. Ха! Нет, брат, ты стал изощрён и опытен, тебя не проведёшь ни стрелками глаз, ни томным нежным вздохом, ни даже завтраком в постель, отглаженными рубашками и...» – здесь мысль вдруг теряется, запал выдыхается как новогодние пузырьки в фужере «Советского полусладкого» к обеду первого января, а густой увесистый аромат пуэра забирает всё внимание закоренелого Саратовского холостяка-чуть-за-сорок.

Мягкое кресло, клетчатый плед (Виктор Робертович, прости, я вырос!) и обволакивающий душу древесный землистый дух китайского сокровища в тонком фарфоре пиалы – вот и всё, что необходимо на этот вечер для «правильного» или даже «истинного» отдыха! А стука в окно быть не может! Не может, да. И можно не отвлекаться от... Да чёрт возьми! Ну не может раздаваться настойчивый, пусть и тихий, стук в окно восемнадцатого этажа!!! Любовно выбранного и признанного достаточно эстетически оправданным даже при внезапном отключении лифтов Восемнадцатого!!! этажа. Не может! Но...

В который момент я забыл, что мне не десять? Что я взрослый стокилограммовый дядька с густой сединой в редяющей шевелюре? Что мама уже как двадцать с хвостиком лет не спешит с работы домой, и не бояться я могу и без ее ободряющего тепла? В окно стучат. Это точно. Приехали!

На цыпочках вдоль стеночки до толстой и надежной блэкаут шторы, а дальше – выглядываю любопытным котом,

молясь про себя всему и вся, чтоб ничего там не увидеть, или хотя бы не заметить. Но, если кто из высших сил меня и услышал, то мольбы мои встали в длинную очередь новогодних «я хочу!» и будут исполнены когда-то позже, когда уже не надо и даже не к месту вообще. А пока я заметил и даже увидел. Конечно, такого быть не может, так что окно я открыл совершенно безбоязненно, как кролик, идущий в пасть удава, врываясь в новый дивный яркий мир до срока наставшего слабоумия. Издавая чуть слышный звон, с крылышек сыплется золотая крупка волшебной пылицы. Тело вполне человеческое, даром что с ладошку. Тугие сказочные кудряшки, но вот только почему-то каштановые, не светлые. Да, именно это смутило, остальное вполне вписывается в образ. А вот каштановые волосы нет. Чёрт знает что!

– Почему у тебя каштановые волосы?

– Я фея, меня сюда забро... Стоп! Что?! Почему волосы каштановые?! То есть тебе не интересно кто я, откуда здесь, каким чудом вообще существую? Тебя не смущает ничего в моём виде кроме цвета волос?

– Ну, ты знаешь, смущает. Смущает, конечно, но я не верю в фей, поэтому, в принципе, плевать. А вот волосы да, это неправильно, не канонично. Но ладно, если ты считаешь, что надо сначала задать какие-нито другие вопросы, так и ответь на них сразу, чтобы не тратить сил. Ты вон и так дрожишь. Замёрзла?

– Ну наконец-то! Да, замёрзла, знаешь ли! Эти лепесточ-

ки не греют в такую погоду, как ты наверняка можешь догадаться, от слова «совсем»! – и она расплакалась. Абсолютно обезоруживающе, стуча малюсенькими кулачками мне в плечо, звеня своими крылышками. Крошечное совершенно замёрзшее, дрожащее и всхлипывающее создание разрыдалось не в силах произнести больше не слова.

«Девочки» – думалось мне, пока Маргаритка (имя у неё такое) грелась, умастившись в складках пледа рядом с чайником. «И как с ней быть? А как теперь быть со мной? Что я завтра скажу заказчику? Простите, я не могу закончить наш с Вами проект, потому что сошел с ума? Нет, меня просто не поймут и потребуют перестать говорить глупости, а я не смогу, ведь я теперь сумасшедший и такова моя речь отныне» – бубнил я себе поднос, бессмысленно мечась по квартире в поисках... в поисках... А что я, собственно, ищу?!

– Человек, у тебя есть имя?

– Максим Валерич я...

– Максим Валерич, можно я у тебя переночую? А потом мы вместе придумаем, как вернуть меня назад. Да?

– А чем мне тебя кормить?

– У тебя может быть совершенно случайно есть мандарины? И шоколад!

– Есть, но я в них совершенно не верю.

– Зато я верю! Не переживай, Максим Валерич, моей веры на двоих с лихвой! Тащи их сюда, будем тренироваться!

КАРТА ИЗ ИНЕЯ

Мне неоднократно говорили, что я – зануда. Они пытались намекать мне, открывая форточку во время моего монолога, они просто переставали интересоваться моим мнением, или внезапно вспоминали про важные дела. Плевать. Я всего лишь выражал своё отношение к тому или иному событию, явлению, человеку, а они делали из этого целую трагедию. Подумаешь! Да, мне много чего не нравится. Имею право! Хотя, если говорить не о мелочных придирках, а о действительно глобальной нелюбви, то можно сказать, что больше всего в жизни я не люблю две вещи: когда меня будят и людей. Поэтому, думаю, несложно догадаться, что мой излюбленный подарок на случай, если приходится участвовать в таком замечательном мероприятии как «Тайный Санта» – будильник!

Сейчас моя нелюбовь к людям пасовала перед очевидным фактом «Фея – не человек, во всяком случае она – не Homo Sapiens». И это полбеда, но моя нелюбовь к насильственным побудкам сникла и утратила весь пыл просто на основании симпатии к этой маленькой занозе! Как так?! Я даже разозлиться как следует не могу. Обидно и непонятно, что делать в такой двусмысленной ситуации. В общем, пришлось с видом мученика вставать, чистить зубы, варить кофе и пить его. И всё это под неутрахающий звон крылышек,

переливы феячей болтовни обо всем в мире разом, и конечно же под неотрывным взглядом изумрудных глаз, полыхающих адской смесью любопытства, лукавства и коварства! Хоспади! Да где же я так наследил?! За что, а?

– Че-ло-век! Человек! Челове-е-е-к! Человек, ты должен мне помочь! У нас О-о-о-о-очень мало времени! Человек! Максим Валерич. А? Ну Макси-и-им Валерич?! – мелкое недоразумение разодетое во что-то фантазийное, пошитое из лепестков растения не вянущего, но и не греющего, выписывало круги надо мной и вокруг меня, не оставляя шансов сосредоточиться и прийти хоть к какому-нибудь решению, или, на худой конец, выводу. Всё же я собрал всю свою волю в кулак и стукнул им по столу. Фею сдуло, она смешно застрекотала крылышками, тормозя неконтролируемый полет в сумасбродном пируэте.

– Человек!

– Фея!

– Меня зовут Маргаритка, человек!

– А меня – Максим Валерич, фея!

Она надула губки, сложила ручки на гневно вздымающейся и опадающей груди и уставилась на меня искрящимися от недовольства изумрудами глаз. Всё бы ничего, девочка же, но она точно, в копеечку отзеркалила мою позу. Так что через одиннадцать секунд злобного сопения мы уже смеялись, капитулируя перед комичностью пантомимы.

– Что тебе надо, неугомная? Я только встал, и то твои-

ми стараниями, а так спал бы себе и спал в свой законный выходной. Что ты зудишь без остановки?! Как я тебе помогу? Мне за сорок, и для Питера Пена у меня перевес втрое! Последний раз я ездил в путешествие с родителями. Но это было двадцать пять лет назад и по принуждению. Так что повторяю свой вопрос: «Чего тебе надобно?».

У нее намокли глаза. «Боже! Нет!» – я уже собрался успокаивать несчастную летунью и искать какие-то нелепые на фоне её трагедии отмазки, когда она подлетела вплотную к моему лицу и обняла своими удивительно тёплыми ручками мой нос. Я замер, а она стала гладить меня и всхлипывать на разные лады что-то успокоительно-ласкательное.

– Бедный-бедный Максим Валерич! Бедный ты мой несчастный человечушка! Да как же так на твою долю не выпало ничего-ничегошеньки интересенького совсем-пре-совсем?! Мы что-нибудь сделаем, мы придумаем что-то! Я обещаю тебе, Максим Валерич! Я тебе клянусь, мы тебя из этой беды выудим уж как-никак!

Прозвенев свою клятву, Маргаритка взметнулась под потолок и с силой встряхнула крылышками у меня над головой. Золотая пыльца, сияя и сверкая волшебной иллюминацией, стала осыпаться неспешно, накрыв меня пологом небывалой, невозможной тишины и кристальной ясности. Мир вокруг замер! Замерло и моё тело, и все процессы в нём, замерли мои мысли, а в движение пришли чувства. Я ощутил тревогу за маленькое сказочное существо, злой волей переброшен-

ное в наш лишённый магии сиротливый мир, ощутил её тревогу за меня, не видящего жизни за пеленой скуки, тоски и одиночества. В меня втекло забытое чувство приключения, я вспомнил его, вспомнил, как огненной струёй разливается по венам азарт первопроходца, когда осознанным усилием воли перешагиваешь ту границу, дальше которой ещё ни разу в жизни не ходил. Мне тут же стало обидно от осознания себя Сэмуайзом Гэмджи, а вовсе не отважными Пиппином и Мерри, или ответственным за весь подлунный мир Фродо Бэггинсом. А потом мне стало жалко себя. Не своей никчёмной жизни, не своей пустой и одинокой напичканной дорогами безделушками квартиры, а именно себя, Максима, того парня, что умел когда-то уходить в невозвратные дали и возвращаться героем под вечер.

А потом замерло всё вообще, и во всеобъемлющей космической тишине я явственно расслышал хруст, с которым обычно замерзает в стакане вода. Хруст с перезвоном был хрустелен и узорчат, я слышал его и не мог не благоговеть. Последней точкой прозвучало так, как если бы серебряной иголкой тюкнули по изукрашенному морозом стеклу и сбежали. А потом раздалось вселенское «Кхм-кхм... Именем моим, клятва принята! Да будет так!». «Так-так-так-так» – вторил какой-то механизм, – «Такх-такх-такх-така-така-такх-х-хррр...». А потом мыльный пузырь золотой тишины лопнул, и я снова стал собой.

Вот только стал ли? Я не мог не признавать того, что пе-

режил. Утратил способность отгородиться и не видеть. И я видел. Мои глаза видели узор во все стёкла балконной группы. Маргаритка мельтешила вокруг и призывно семафорила мне. Что делать? Я встал и подошёл к окну, разглядывая искусно выписанную карту, где явно различимы были пригороды Саратова, но с какими-то совершенно невозможными здесь, на Средней Волге, формами рельефа. Горы и провалы, пики и каньоны, болота и мощёные по ним гати вели к трём точкам Перехода – ВРАТАМ! Я не знаю, что такое «точки Перехода» и «Врата», но знаю, что на карте именно они. И это пугает до дрожи.

– Что это, Мар?

– Нам туда... – её голос точно так же дрожал, она боялась и это придавало мне сил хотя бы не упасть в обморок, – Это проколы. Из них в твой мир врываются потоки магии, на одном из них меня сюда и зашвырнуло. Так что, думаю, я тут не единственное магическое существо. Твой мир надо спасти, Максим Валерич. Твой мир, а не меня вовсе! Я помогу. Не бойся, мой хороший! Я помогу!

– Я и не боюсь, – кое-как унял я кастаньеты у себя во рту, – что нам надо делать? Может быть, позвоним в полицию, пожарным, МЧС? Может просто уедем отсюда? У меня есть деньги. Надо лететь подальше просто. На Бали! А? – я с надеждой посмотрел на фею, но она отрицательно покачала головой, вызывая во моем сердце предательский трепет и стыд, и страх, и отвращение к самому себе.

– Нет, Максим Валерич. Нельзя убежать от извержения вулкана, если оно застало тебя спящим в тепле у самого жерла. Нам придётся драться! – она воздела к потолку сжатый кулачок, а я, утратив стержень, рухнул в кресло, вмиг ставшее чужим и неудобным, и, уставившись в потолок, жалко и обиженно заскулил. Но мне уже не было стыдно за это, я просто прощался со всем, что мне втайне так осточертело – со своей размеренной нежизнью.

ТИХИЙ ШЁПОТ СТАРОГО ДОМА

Этот мир-без-магии ужасен! Он пьёт из меня жизнь по капле, высасывает сквозь плотную кристаллическую структуру. Она хрустит как молодой ледок под лапищей пещерного тролля! Я чувствую, как перенапряжены каналы манновбды внутри моего безупречного тела. И вроде бы, да кто я такой, чтобы скулить и жаловаться на судьбу? Кристалл души. Всего-то камениюка. Да, во мне есть душа, но это не моя душа, я – лишь хранилище. Как может хранилище страдать от истощения. Судьба хранилища отслужить свой срок и, вернув содержимое невредимым хозяину, ненужной сброшенной по линьке шкуркой отправиться в небытие, на прокорм Хаосу. Но я страдаю. Мне больно. Я чувствую, что жизнь моя, коей и быть-то не положено, исходит на нет. О, Вечность! Услышь мой вопль! К тебе взываю, не погуби...

– Маргаритка, ты это слышишь?

– Да. И этого не может быть.

– Ну, знаешь ли, милая, тебя тоже не может быть. Однако же вот, погляди на меня. Я оделся в этот дурацкий спортивный костюм с этими идиотскими берцами и тащусь по грязному снежному месиву с туристическим рюкзаком за спиной чёрт знает куда, лелея фею в литровой банке из-под огурцов за пазухой! Так что может быть вообще всё, что угодно, уж

если это может, поверь мне.

Мелкая заноза, а именно так про себя я стал называть мою мучительницу, пришипилась, прекратив даже звенеть крыльшками. Надулась теперь, наверное, и думает про меня какие-нибудь непечатности. Ну и пусть. У меня вообще есть сильное желание дойти до ближайшей Точки Перехода, и зашвырнуть фею во Врата, и больше никогда не видеть.

Как бы там ни было на самом деле, но в моей голове гулким набатом гудит единственная мысль: «Это всё из-за неё!». И вроде я понимаю, что всё не так. И вроде мозг пытается ещё смириться с навалившимися чудесами, а сердце ликует от негаданно привалившей удачи пожить в полную силу. Но есть же и привычки, и многолетняя память, образование, воспитание, предрассудки наконец! И вот это всё, что после «но», вопиёт о справедливости и воздаянии, назначая на парадную роль ведьмы на костре мелкое искреннее и до безобразия отважное недоразумение из бабушкиных сказок. Стыдно и больно, Максим Валерич, а ничего не поделаешь, кто-то должен быть виноватым. Ну хотя б побыть. Пока.

– Ему больно. Мы должны помочь. Иначе бессмысленно всё. Избирательная справедливость – путь Хаоса, – голос феи из банки звучал особенно комично, однако почему-то никакого желания смеяться у меня не было.

– Кому?

– Тому, кто просит о помощи, конечно! – так и вижу, как она упитает кулачки в бока, принимая позу сахарницы

и морщит недовольно носик. Вроде знаю её всего ничего, а словно бы и всю жизнь уже.

– Где он, этот страдающий незнакомец?

– Дай посмотреть.

Я вытащил банку из-за пазухи и в густом сумраке ненастного дня она засветилась новогодним фонариком. Я опасно заозирался, однако никого вокруг как не было, так и нет, и я стал медленно поворачиваться вокруг себя, демонстрируя фее неприглядный урбанистический антураж хмурого городского декабря.

– Нам туда! – уверенным тоном заключила она и ткнула пальчиком в полуразваленную двухэтажную заброшку.

– М-да... Кто б сомневался.

Убрав пассажира обратно в тепло, бережно копимое моим телом под новенькой туристической паркой (специально пошел ведь и купил!), я отправился к указанным руинам. Сейчас таких много в городе. Застройка старого центра и его ближайших окрестностей отвоёвывает последние пяточки частного сектора, и вековые дома случайно сгорают от непредвиденных обстоятельств с завидным постоянством.

Второй этаж был деревянным и выгорел почти без остатка, заодно завалив горелыми балками, шифоньерами да матрацами кирпичный колодец первого этажа. Бездомные повытащили с погорелья кое-какой металл, так что внутри проявились своего рода тропинки. По ним мне и предстояло пробалансировать в поисках... Чего?

– Здесь нет никого.

– Но ты же слышишь его! Он страдает так громко, что ты не можешь не слышать!

– Не могу, факт. Но здесь никого нет. Может нам просто помнилось?

– Пусти!

Я расстегнул ворот парки, и фея выпорхнула наружу, презрев и «минус три с небольшим ветром» и мелкий премьерский снежок, сыплющийся, казалось, в самую душу. Она светляком облетела развалины и, поднявшись метра на три вверх, полыхающим стрижом рванулась к самой большой гряде хлама и скрылась в её смердящих гарью, прелью и гнилью глубинах.

Я успел начать волноваться и даже подошёл к завалу, когда оттуда вылетело перемазанное с ног до головы в черный верещащее нечто и, подлетев к моему носу вплотную, окатило волной аромата бездомной жизни и нетерпящего препирательства ультразвука: «Копай! Человек, копай скорее! Он там и он погибает... Бедный... Копай скорее, Максим Валерич, миленький... Да не стой же ты столбом! Копай!». И я стал копать, плюнув на все глупые предрассудки. Он же, блин, страдает!

«Храни Вас Сила...» – еле слышный голос прозвучал у меня в голове и смолк. Правда прозвучал он не последним аккордом лебединой песни, но успокоенным шепотом спасённого. Может и вправду спасли.

Кристалл! Синий как морская глубина. Доводилось мне как-то совершать погружение над глубиной в четыре тысячи метров. Я не смог. Такой ужас охватил от этой бездны, что я рванул на поверхность к солнцу, выбрался на палубу яхты и надыхаться не мог. Вот и здесь такая же глубина. Тот же оттенок невозвратной дали, привкус вечности на губах. А внутри, где-то бесконечно далеко в сердцевине этого огромного с кулак размером сапфира туго скрученное бьётся-беснуется пламя.

– Это камень души. Кто-то убил могучее создание, но его душа была достаточно сильна, чтобы не раствориться в Вечности, а кристаллизироваться, зауклится и попробовать переждать, дожидаться возрождения. Но здесь ему не выжить. Мир-без-магии тянет из кристалла силу, постепенно лишая душу шанса.

– И что с ним делать?

– Возьмём с собой. Всё равно наш путь лежит за. А там и магия. Отживеет.

– Так кто с нами говорил, кристалл или душа в нём?

– Кристалл. Сейчас он носитель души, он живой и обладает крохами талантов того, кто переживает в нём собственную гибель.

– И кто это?

– Не знаю, и даже не уверена, что нам стоит это узнавать или присутствовать при возрождении. Поверь мне, это не то, что нам сейчас надо.

– Так может мы его...

– Нет! Хватит трусить! Ты ведь не такой...

– Э-эх-х... Не такой. Ладно, пойдём, темнеет быстро.

ОТКУДА РУКИ РАСТУТ

– Я не узнаю этих мест, хотя вот только месяц тому здесь бывал, да и позже – тоже. Здесь была асфальтовая дорога, магистральный трубопровод, обширная промзона в картинном запустении, потом кладбище ещё... Но не было выхода скальных пород и вот этого вот... что это, кстати? – я пнул ногой растение. Растение! Зимой! Растение, ни то растущее на глазах, ни то просто шевелящееся.

– Не знаю, но лучше бы не трогать лишний раз, – я отшатнулся, а фея залилась смехом, но тут же утихла, как выключили, – эти врата не в мой мир, здесь всё чужое и недоброе. И знаешь, как я понимаю, в мой мир напрямую нам не попасть. Так что двигаемся, куда карта ведёт.

А карта действительно вела. Но это обстоятельство требует отдельного осмысления и, кажется, именно для него и пришло теперь время. Пока что вокруг всё спокойно, если не считать совершенно невообразимое в здравом уме и трезвой памяти проращение куска иномирного пространства там, где ещё вчера вечером были окрестности крупного нефтеперерабатывающего завода, изобилующие советской промзастройкой и постсоветским запустением. И пока оно всё ещё спокойно, мне очень хочется побыть в себе. Это успокаивает, примиряет немного с безобразием, в которое превратилась моя унылая жизнь в привычном до рвоты старом центре

города на Волге.

Кристалл, спасённый нами от неминуемой гибели, по настоянию Маргаритки был плотно многослойно завернут в мою сменную одежду и воцарился в основном отделении рюкзака, вытеснив галеты, флягу с водой и ноутбук. Про ноут фея вообще отдельно высказалась так, что и повторять стыдно. Ну да, не подумал, что в мире магии розеток не будет, что ж, проникся, учёл. Не учёл я лишь того, что, отогревшись и почуяв шанс на жизнь, кристалл начнёт вторгаться в мою голову и наводить там свои порядки.

«Кто ты, спаситель?» – гулко раздалось в моей голове, и я аж споткнулся от неожиданности. Учитывая, что в этот момент фея из-за пазухи вела свой бесконечный пересказ всех-всех-всех событий, которые только затронули её трепетную душу за последние лет сто, мозг мой сдал и я встал как вкопанный. Достав банку с неугомонной летуньей и свёрток с кристаллом, я пригрозил моим незванным пассажирам оставить их вот прямо тут, и пусть говорят друг с другом пока не кончатся, а я доживу свои последние дни апокалипсиса в тишине и уединении, как, собственно, и привык. Фея, словно очнулась, посерьёзнула и попросила меня о разговоре с глазу на глаз, так что, взяв банку и оставив кристалл в рюкзаке под густым даже без листьев кустом, я с нарастающим чувством безысходности отошёл на десяток метров в сторону.

– Человек, нам надо назад. То, что живёт в кристалле, слишком сильно. Оно возьмёт нас без усилий и будет распо-

ряжаться, как вздумается.

– Так может всё же...

– Нет, безумный! Хочешь не только смерти лютой, но ещё и без посмертия?! – Меня встряхнуло как от электротока, а фея продолжила, как ни в чём не бывало, – У тебя дома мы сделаем щит. Я всё обдумала.

– Когда только успела, – засмеялся я, точно зная, что смеюсь не к месту и не вовремя, да и не своей волей даже похоже, – Ты ж языком молотила без устали!

– Вот! Видишь? Оно тебя держит крепко уже. Пойдём. Там рука Творца стекла касалась, там оно власть утратит, а ты щит создашь.

– А этого куда?

– С собой возьмём. Но я тебя попрошу сейчас, а ты не спорь! Пока идти будем рассказывай мне что угодно и меня не слушай, просто говори о том, что тебе вспомнить приятно. Понял?

– Вроде.

– Так начинай рассказ, и потопали.

И я начал, и мы потопали. Действительно, мой разум был звонко чист, пока я упоённо вспоминал про бабушку с её гренками и прохладным чаем в бутылке-ракете из-под кефира, про холмы, утопающие в ковылях, про охоту на ящериц и кузнечиков, про рыбалку с отцом и то время, когда мы с ним ещё могли весело шутить друг над другом и смеяться. Но потом я вспомнил последние годы отца и наше взаимное

разочарование, перешедшее в глухую непримиримую вражду, и...

– Кто ты, спаситель?

– Человек.

– Куда ты идёшь, человек?

– Домой.

– Нет. Тебе туда не надо, ты туда не хочешь. Ты хочешь помириться с отцом?

– Но он умер.

– Разве?

– Не знаю.

– Подумай.

– Нет... наверное...

– Пойдём, я знаю куда идти, я помогу вам. Ты хочешь этого?

– Да...

«...ловек! Человек! Максим Валерич! Максим! Максим! Макс! Максимушка... Миленький...» – я вынырнул из-за пелены и увидел, что иду в противоположном от подъезда направлении, успев удалиться уже на полсотни метров. Фея вылетела из банки и тарабанит меня своими кулачками прямо в полуприкрытые веки, и истошно пищит.

– Что это?

– Ты рассказывал про то, как твой отец показывал смешные рожицы, помнишь. И про солдатиков. Помнишь?

– Д-да...

– Продолжай. Мне очень интересно! Продолжай, Максим Валерич!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.